

**«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 12 (37) от 23 декабря 2009 г.**

ИТОГИ

ГОД ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД

Подходит к концу год, который, по-видимому, сменится еще одним точно таким же – трудным и в ниспадающем тренде. Во всяком случае, видимых улучшений к концу 2009 года, на которые надеялись экономисты, не случилось. Магбат Спанов – президент Института развития Казахстана, доктор экономических наук, подвел некоторые итоги уходящего года.

– Магбат Уарисбекович, если прошлый год называли концом «тучных» лет, то этот можно назвать годом «затянутых поясов»?

– Я бы его скорее назвал годом обманутых надежд.

– Как мы прожили этот год? Каковы его главные экономические итоги?

– Основные итоги неутешительные. В 2009 году мы лишились практически половины всех наших запасов в Национальном фонде по сравнению с той суммой, которая была на начало года.

Эти средства были кинуты на поддержку отечественной экономики, но безрезультатно. И показатели ВВП свидетельствуют об этом. Сумма прямой финансовой поддержки была равна 1/5 ВВП, а рост от этих вливаний экономики был минус 0,1%.

В принципе, даже если бы мы закончили год с отрицательным показателем ВВП, но в стране произошла диверсификация экономики – стали работать заводы и фабрики, то можно было бы сказать, что прожили год не зря. Благодаря кризису мы смогли перестроить нашу экономику в сторону производства, уйдя от сырьевой зависимости. Но эту самую главную задачу мы, к сожалению, не смогли решить.

– Но разве такой сложный процесс, как диверсификация экономики, может произойти за такой короткий срок – всего один год?

– А вы знаете, что именно во время кризиса у Казахстана и был этот шанс – быстро провести этот процесс. Ведь, когда мы получили независимость, буквально в течение двух-трех лет с помощью руководства, которое взяло на себя ответственность за преобразования, страна могла быстро перейти к рынку. А теперь говорить, что у нас было мало времени и мы не смогли, по-моему, необоснованно. Этот год мог бы стать квинтэссенцией того, что происходило в экономике раньше...

– Но мы видим, что прежняя экономика стала давать сбои?

– Понятно, что та система, которую мы строили в течение 18 лет, дала сбой. Теперь она потребовала не только поддержания тех принципов в экономике, которые были до этого, но и внедрения новых экономических моделей.

Правительство же вместо этого провело национализацию и огосударствление экономики. То есть государство стало опять брать на себя те функции по производству товаров и продуктов питания, от которых мы отказались в то время. И пытается забрать под себя те или иные отрасли.

– Это какие отрасли вы имеете в виду?

– Например, фармацевтический рынок развивался в конкурентной среде, и вдруг его стало контролировать государство. То же самое произошло с банковским, финансовым секторами. То есть вместо усовершенствования существующей, уже заявленной модели, создания соответствующей конкурентной среды, государство стало переходить к другой, неоправданно тратя при этом огромные средства. А ведь это деньги всего государства, всего населения.

Государственный предприниматель начинает главенствовать в нашей экономике. Хотя вся мировая практика показывает, что частный капитализм гораздо эффективнее государственного капитализма. А государство изначально не направлено на снижение затрат.

Тут добавляется еще один момент. Ежегодно монополисты повышают тарифы. Объясняют они это тем, что сети изношены, и если сейчас не повысить тарифы, то вся система даст сбой. Каждый год тарифы повышаются, и каждый год одни и те же аргументы. То есть система сама себя пожирает. Деньги инвестируются изначально не на проекты, которые ведут к энергоэффективности, а на поддержание, на латание дыр. То есть идет разброс финансовых ресурсов.

Есть, конечно, и несколько плюсов в уходящем году. Во-первых, мы перейдем на индикативное пятилетнее планирование. И самое главное, я надеюсь, индикативное планирование приведет к тому, что за реализацию программы будет ответственное лицо. А не так как сейчас – никто ответственности не несет.

Я бы сказал, что этот год – не только время несбывшихся надежд. Он показал пагубность этого неэффективного государственного экономического управления. Сейчас ни министры, ни премьер-министр, ни акимы не несут экономической ответственности за результаты тех отраслей, которыми они руководят. Таким образом, сейчас вся ответственность за происходящее ложится только на президента. Это издержки политического управления.

Хотя те же полномочия, в которых функционируют министерства и правительство, имеют функции для того, чтобы экономика двигалась вперед, а не топталась на месте.

– Получается, и за проваленную антикризисную программу тоже никто ответственности не несет?

– Конечно. Вместо того чтобы зарабатывать вне Национального фонда деньги, создавать условия для увеличения налогообложения и снятия ненужных расходов, мы пошли по самому легкому пути – полезли за заначкой.

Причем все это преподносится как победа этого правительства. А это не победа, а, наоборот, показатель их беспомощности и непонимания того, что вообще происходит в экономике. Ведь экономика не терпит дилетанства. Задача руководителей – объективные экономические тенденции привести в соответствие с интересами людей и власти, чтобы все работало в унисон.

Например, все те деньги, которые правительство бросало на поддержку финансовых институтов, чтобы поддержать интересы непонятно каких людей, нужно было направить на развитие производства.

Поэтому, если работу нынешнего парламента я оценил на «тройку», то работу правительства уже на жирную «двойку».

– Почему?

– Посмотрите, в стране провели девальвацию, и ее провели на плечах нашего населения, а результат от нее – ноль.

Между тем, девальвация – это один из методов для того, чтобы стимулировать спрос. В зависимости от курса государство должно регулировать спрос и предложение. К сожалению, правительство при проведении девальвации 2009 года пошло по пути такого же процесса в 1999 году, не учитывая, что ситуация в стране кардинально изменилась.

Тогда была другая экономика, люди, финансовые организации и принципы, используемые при той девальвации, которые действительно привели к необходимому результату. А сейчас, после 10-летнего роста, девальвация привела к обратному результату. То есть спрос упал.

Каждый кризис, конечно, требует набор средств один и тот же, но каждый раз «индивидуальную» дозировку нормативного регулирования и финансовых мер.

Могу сказать, что власти России провели свою девальвацию очень грамотно. У нас же обозначили сумму и одновременно девальвировали.

– Вторая половина года ознаменовалась форсированием событий при вступлении Казахстана в ВТО. Как вы оцениваете этот момент?

– Я напрямую связываю вступление Казахстана в Таможенный союз с теми неудачами, которые у нас в стране есть. Меры правительство принимало, но они не привели к нужному результату, теперь нужно быстрее найти какую-то отговорку, почему этого не произошло.

Да, в долгосрочной перспективе Таможенный союз – это достаточно взвешенный экономический шаг. Но он несвоевременный. Никогда не надо торопиться. Например, Киргизия и Грузия вступили в ВТО, но этот позитивный шаг, а уже прошло 10 лет, так и не привел к экономическим сдвигам в этих странах.

Таким образом, Казахстан поторопился вступить в Таможенный союз, чтобы объяснить те социальные проблемы, которые в стране накопились. Это позволит законсервировать существующую монополизацию рынка. То есть те финансово-промышленные группы, которые сейчас оперируют на рынке, на 2 – 3 года сохранят свои позиции для получения сверхмонопольных прибылей.

– Что нас ожидает в будущем году?

– Я думаю, что будет дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации, пока эти две системы притрут друг к другу. Дело в том, что основным фактором, влияющим на положение дел, будет ситуация на российском рынке. А Казахстан будет подстраиваться под него. Россия определяет правила игры. Да, будут там какие-то исключения, связанные с таможенными и налоговыми льготами по определенным отраслям.

– Вы сказали о пользе Таможенного союза в долгосрочной перспективе. Но объясните, в чем она?

– Во-первых, для нас открывается большой рынок, не такой узкий, как казахстанский. За 18 лет независимости в Казахстане многие финансово-промышленные группы накопили за счет перераспределения огромные ресурсы. Экономика Казахстана для них не привлекательна для инвестирования и получения доходов.

– То есть Таможенный союз нужен нашим олигархам, чтобы стать еще богаче?

– С одной стороны, да. Но, с другой стороны, Казахстан ничего не может предложить, кроме сырья. Когда говорят, что в Казахстане создана по-настоящему сильная экономика, то возникает вопрос, какой это товар? За 18 лет в Казахстане

не создано ни одной компании, которая бы придумала, создала и реализовала продукт, получила доходы и выросла бы за счет этого. Это я вам со всей ответственностью заявляю. То есть ничего нет made in Kazakhstan.

Казахстану выгоден Таможенный союз в долгосрочной перспективе и в плане того, что после кризиса будет интенсивно происходить регионализация экономик. Ни одна страна не сможет самостоятельно выдержать давления и конкуренции на мировом рынке. Поэтому просто необходимо вступать в экономические союзы. Это будет борьба не доллара с евро, а борьба союзов, региональных валют разных частей света. Естественно, мы должны определяться, кому мы хотим уступить часть своей политической и экономической самостоятельности. Россия, конечно, не самый лучший вариант для этого, но он более понятный, и мы больше никому не нужны, кроме Китая. Но эта страна – очень большая политическая и экономическая угроза для сохранения суверенитета. Да, были проблемы с русификацией в свое время, но такой ассимиляции, как это происходит в Китае с другими народами, в Казахстане не было. Это происходит оттого, что Россия все время занята своими имперскими амбициями, а не ассимиляцией. Одним словом, выбирая из двух зол, мы выбираем наименьшее.

– Экономический год как бы подытожен китайским кредитом в сумме 5 млрд. долларов. Кстати, в этом году Китай инвестировал в нашу экономику в общей сложности около 15 миллиардов долларов. Является ли это в современном понимании экономических взаимоотношений хорошим показателем? Не возникает ли при таком кредитовании нашей экономики начало большой экспансии?

– Большая экспансия началась уже давно, когда Китай начал входить в сырьевые разработки по всему миру, в том числе и в Казахстане. Просто Казахстан очень близко находится, и это вызывает определенные опасения. Такая политика, конечно, присутствует. И те заявления, что мы готовы предоставить земельные ресурсы этой стране, вызывают опасные настроения среди населения.

Китай должен доказать, что не хочет экспансии наших земель и ассимиляции нашего народа. Только тогда отношения могут наладиться. А пока мы помним то, что исторически уже было.

Что касается показателя взаимоотношений, то, конечно, здесь об этом речи не идет. Правительство не раз говорило о том, что может справиться с кризисом самостоятельно, без инвестиций. На деле же средства извне были привлечены. Потому что действительно на крупные инфраструктурные проекты денег не хватает. Сам по себе тот же газопровод – это хороший проект для Казахстана, поскольку юг у нас газом не обеспечен. И это решение наших проблем. Но все равно при ведении переговоров необходимо соблюдать, прежде всего, национальный интерес и безопасность.

– А как обстоят дела с нашими банками по итогам года? Начнут ли они в следующем году выдавать кредиты МСБ, которые сейчас испытывают финансовый голод?

– Все зависит от поведения государства. Но единственное, что я могу сказать точно – следующий год, к сожалению, станет последним для некоторых финансовых учреждений. Но причины тому не экономические, а политические. Наступает апогей межклановой борьбы.

– Что, на ваш взгляд, является главным событием года? Например, некоторые социологи отметили Послание президента к народу и его прямой телевизионный эфир яркими событиями года. Вы с этим согласны?

– Категорически не согласен. Это задача любого правителя – говорить о том, что в стране все хорошо. Если бы страна с 1917 года развивалась так, как говорят об этом ее руководители, то сейчас мы жили бы лучше всех.

– Кто, по-вашему, является политиком года, и почему?

– Народ. Не какое-то конкретное лицо, а, действительно, народ, который сейчас начал активно защищать свои интересы.

***Шолпан ИСКАКОВА,
«D»***